

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.087-093

ПОЛИТИЗАЦИЯ ФИКЦИЙ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЭТАТОГЕНЕЗЕ (ПЕРЕЧИТЫВАЯ ТРУДЫ И. А. ИСАЕВА)

Капицын Владимир Михайлович,
профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного
университета имени М.В.Ломоносова, доктор политических наук, профессор
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-кт, д. 27, корп. 4
kapizin@yandex.ru

© Капицын В. М., 2025

***Аннотация.** На основе обобщения трудов И. А. Исаева автор исследует универсальные черты политических фикций, используя затем эти положения в анализе средневекового государствообразования, а именно португальского кейса XI в. Государствообразование (этатогенез) как процесс назревания напряженности между рациональным и утопическим насыщается политизацией фиктивного. Исследование государствообразования в условиях реконкисты с ее фронтиром выявляет исторические референты порождения политических фикций на начальном этапе португальского этатогенеза. Выделение из состава Леона сначала графства, затем политики, обретающей де-факто статус королевства, во многом связано с военным и политическим талантом Афонсу Энрикеша. Используя вызревшие объективные условия, он возглавил сепаратистское движение и проявил способность создавать политические фикции, что помогло завоевать и сохранить независимость от Леона и Кастилии, основать жизнеспособное государство. Анализ политических фикций в Португалии XI в. дает новые возможности исследования этатогенеза.*

***Ключевые слова:** И. А. Исаев; политизация фиктивного; политические фикции; юридические фикции; этатогенез; легитимация; реконкиста; Королевство Португалия XI в.; Афонсу Энрикеш.*

POLITICIZATION OF FICTIONS IN PORTUGUESE STATE FORMATION (REVISITING THE WORKS BY I. A. ISAEV)

Vladimir M. Kapitsyn,
Dr. Sci. (Political Studies), Professor, Department of Comparative Political Studies,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
kapizin@yandex.ru

***Abstract.** Drawing on a synthesis of I. A. Isaev's works, the author examines the universal features of political fictions and applies these insights to the analysis of medieval state formation, focusing on the Portuguese case of the 11th century. State formation (etatogenesis), understood as a process marked by the tension between the rational and the utopian, is saturated with the politicization of the fictive. Studying etatogenesis in*

the context of the Reconquista and its frontier dynamics reveals historical referents for the generation of political fictions at the initial stage of Portuguese state formation. The separation from León — first as a county, then as a polity that acquires de facto kingdom status — is largely attributable to the military and political talent of Afonso Henriques. Exploiting maturing objective conditions, he led a separatist movement and demonstrated the capacity to construct political fictions that helped secure and sustain independence from León and Castile and to establish a viable state. The analysis of political fictions in 11th-century Portugal opens new avenues for the study of etatogenesis.

Keywords: I. A. Isaev; politicizing the fictitious; political fictions; legal fictions; etatogenesis; legitimation; Reconquista; Kingdom of Portugal 11th century; Afonso Henriques.

В регулировании правовых и политических отношений используется множество инструментов, в том числе фикции. Юридические фикции довольно интенсивно исследуются в работах по истории права, а также юридической и политической антропологии. Пионером исследования политических фикций в России стал известный историк, теоретик и философ права и государства И. А. Исаев. Политическая фикция — важное правовое явление в качестве своеобразного «аналога идеологической конструкции... углубляющей фантазийные черты идеологической структуры»¹. Ученый исследует политизацию фиктивного в Великой французской революции, которой свойственно было вызревание новых типов напряженности между утопическими и рациональными элементами, разными принципами легитимации режимов².

И. А. Исаев открывает универсальную теоретико-методологическую «колею» для исследования обществ в переломные эпохи революций, реформ, войн. Великая французская революция известна апофеозом напряженности при развенчании святости королей и переноса особой легитимации на парламент. И. А. Исаев, ссылаясь на Э. Берка, отмечает, что «Французская революция не очень похожа на обычные политические революции и что она отличается ходом и характером революции религиозной»³. Но и в другие эпохи тоже происходила политизация фиктивного. На заре Средневековья был сформулирован постулат о «святости короля» как неотъемлемом компоненте его особы. Осмысление этого феномена в XX в. привело к концепциям «короли-чудотворцы» (М. Блок), «два тела короля» (Э. Канторович), проливающим свет на особенности порождения политических фикций. Устранение физического тела (публичная казнь Людовика XVI) деформировало и «политическое тело короля», прерывая династическую легитимацию, и готовило перенос этой легитимации на институты народного представительства⁴. Символическое тело короля выражалось не столько в нормах права, сколько в политической фикции, означающей постоянство престолонаследия и легитимационную непрерывность монархии.

Политические фикции появляются и в процессе государствообразования (этогогенеза), оформляя завоевания, легитимацию власти правителя, а также и сепаратистские процессы. Интенсивная политизация фиктивного проявлялась и в процессе образования, например, королевской династии в эпоху реконкисты в Португалии при правлении Афонсу Энрикеша (Афонсу I). В этогогенезе изменяется обоснование «особого кода власти» (Н. Луман), выделяемого в новых условиях как результат формирования политической функции. Последняя отвечает за сохранение двух универсальных функций: 1) сохранения и наследования ценностного (идеологического) образца освящения власти и 2) интеграции людей вокруг вождя (короля).

¹ Исаев И. А. Политизация фиктивного // История государства и права. 2021. № 1. С. 15.

² Исаев И. А. Историческая метафизика власти и закона. Обращение к истокам. Очерки по истории и философии права / под ред. В. Г. Румянцевой. М. : Проспект, 2024. С. 211.

³ Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 21.

⁴ Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства. М. : Издательство Института Гайдара, 2014. С. 68–69.

Так обеспечивается «взаимодействие единиц на основе их взаимной совместимости и их взаимного усиления»⁵.

Признаки этатогенеза просматриваются в состоянии общества, при котором эти две универсальные функции не могут поддерживать существование социума без выделения (обновления) политической функции. Необходим политический режим с признаками первоначального государства. Прежний режим заменяется другим, хотя и здесь не отменяются функции сохранения образца и интеграции. Используются идеологические формы, в частности насаждаются исторические нарративы с ценностными образцами для утверждения авторитета новой власти. В этатогенезе возникают переходные состояния, и политические фикции сопровождают властное насилие на пути к государственно-правовым формам.

В чем же сходство и различие юридических и политических фикций? Ответить довольно сложно. Тем более для обстановки, когда «все интересы, поглощая друг друга, пересекаются и словно сплетаются в клубок... политически или юридически распутать подобное невозможно»⁶. Сходство их в том, что в основании обеих фикций лежит волящее отношение («отношение силы к силе»)⁷. Обе разновидности фикций в этатогенезе снижают неопределенность и предполагают редукцию: юридические фикции упрощают идею с помощью нормы и отношения; политические — устраняют социальные конфликты, обосновывая политическую властную функцию и применение дискреционных полномочий.

Политическая фикция, в отличие от юридической, не носит выраженного нормативного характера, а используется сначала как средство убеждения (легитимации), а в определенной ситуации — демонстрации политической воли. То есть, поддерживая ценностный образец, она помогает мобилизовать общества и обеспечить появление суверена; приобретают даже учреждающий характер и оправдывают чрезвычайные полномочия суверена. «Когда наступает чрезвычайная ситуация, суверен не может пытаться или ошибаться, он должен мгновенно принимать четкие политико-правовые решения, мобилизуя все ресурсы. Здесь нет места для другой воли, необходимо неуклонно следовать государственному интересу во имя спасения народа»⁸.

Некоторые авторы в юридической фикции видят нетипичное правовое предписание наряду с презумциями⁹. Политическая фикция при отсутствии определившегося порядка играет роль подобного предписания для учреждения (реставрации) или, наоборот, разрушения властных институтов и замены их новыми. Так, политическая воля, выраженная в символах, подкрепляется политическими фикциями, включаемыми в нарративы, несущие установку на сецессию. Это располагает сепаратистские силы поддерживать новое политическое образование и не позволять сохранять старое право (порядок). Благодаря этому вносятся иные идеологические конструкции, новые правовые формы для обоснования сецессии.

Политизация фиктивного сопровождается государствообразованием, реставрацией государств, сепаратистскими процессами. Если юридические фикции вводятся в легальной (законной) колее, укрепляя (реставрируя) легальный порядок, то политические фикции готовят условия делегитимации старого порядка и легитимации нового (революция, «свержение тирана», сецессия). Неизбежное «сплетение интересов в клубки» требует порой нестандартных и даже экстраординарных политических действий. Говоря словами И. А. Исаева, происходящее «смешение сфер (или “полей”)

⁵ Парсонс Т. О социальных системах. М. : Академический проект, 2002. С. 696.

⁶ Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 11. С. 169.

⁷ Делез Ж. Ницше. СПб. : Machina, 2010. С. 31.

⁸ Румянцева В. Г. Указ. соч. С. 169.

⁹ Танимов О. В. О научной разработке понятия «юридическая фикция» // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 44.

проявляется в двух видах активности: ситуативной импровизации ad hoc и в форме планов на будущее или ретроспективных объяснений»¹⁰.

Подобное проявлялось в этатогенезе Португалии, включающем одновременно идущие взаимосвязанные процессы, соединявшиеся в реконкисте: война с «маврами» и с соседними политиями, хозяйственные, (меж)конфессиональные, миграционные, сепаратистские процессы, межсословная (классовая) борьба, образование коалиций, династические браки. Перед властями стояли задачи защиты территорий от набегов врага, освобождения земель, заселенных разнородным населением (христианами, мусульманами, иудеями), освоения фронтальных земель — всё это «вплелось» в борьбу за независимость и формирование нового королевства.

Труды И. А. Исаева дают методологические посылки для выявления ряда линий политизации фиктивного в этатогенезе, имеющих универсальные исторические соответствия, верифицирующие применение понятия политической фикции к средневековым формам.

Развитие Португалии отдельно от других частей Иберии и от «империи Испания» Альфонсо VII имело сепаратистское содержание и включало политизацию фиктивного. В фокусе нашего исследования оказались политические фикции на начальном этапе португальского (реконкистного) этатогенеза, соединяющем военно-фискальное насилие победителей (завоевателей, освободителей) и производство «объединяющих убеждений» — религиозных нарративов, в частности отраженных в хрониках на основе архивов монастырей и храмов, особенно монастыря Санта-Мария де Алкобаса, возникшего в 1153 г. Такое соединение позволяло власти установить «замирную среду». Неравновесие ресурсов в социальной структуре, неравенство в выплате податей разных сословий компенсировалось тем, что привилегированные слои брали на себя несение военной службы у правителя (графа, короля), защиту «свободы» («независимости»), а вместе с этим и своих привилегий. Религия создавала «момент связанности» жителей, военных дружин, правителя. И чем религия влиятельнее, тем меньше необходимо было насилие над «своими» (меньше солдат и чиновников для поддержания порядка).

Особое сочетание военного насилия и нарратива в реконкисте, как со стороны арабов, так и христиан, во многом объясняет, почему много политических фикций использовалось в этатогенезе Португалии. Их применение связано и с такой особенностью, как разрыв в линии наследования титула графа Афонсу Энрикешем. После смерти его отца, графа Португалии Генриха (Энрике) Бургундского, вместо малолетнего сына правила его мать. Затем подросший Афонсу свергнул власть своей матери — «королевы» Терезы: так образовались правовые лакуны, затруднявшие легитимацию власти Афонсу и формирование независимого королевства. Афонсу пришлось нарушать сеньориальное право: будучи вассалом короля Леона Альфонса VII, он постоянно разрушал эту зависимость. Были сложности и в отношениях с папством и местными церковными иерархами.

Еще до истории Афонсу Энрикеша при функционировании графства Порту-Кале возникала обусловленность применения множества политических фикций. Формула «графства» с недостаточно определенным статусом стимулировала в относительно автономной властной структуре сепаратистские стремления. Короли Леона учредили графство Порту-Кале для защиты своих южных рубежей (первое графство 868–1071 гг.). Но появились стремления к расширению автономии, доведенные до восстания одного из графов. Графство ликвидировалось, однако затем воссоздавалось вновь и существовало в 1095–1139 гг.; его границы перемещались в условиях реконкисты. Это давало опыт формирования референтов политической независимости. Появились титулы первых графов, включая отца Афонсу — графа Генриха (родственник супруги короля Леона и Хуго I — аббата Ключи). Мать Афонсу — Тереза, правившая в 1112–1128 гг., присвоила титул «королевы», стремясь стать правительницей Галисии, независимой от Леона, для чего воевала с сестрой — королевой

¹⁰ Исаев И. А. Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 34.

Урракой и племянником — королем Альфонсо VII. Графы обрели в условиях реконкисты военные функции, достигли определенной автономии, укрепив личную власть, получили поместья, заключали династические браки, учреждали наследование власти по мужской линии.

Многие политические фикции в правлении Афонсу Энрикеша тесно связаны с его военными успехами. Не находя правовых оснований для наследования власти от родителей, молодой правитель сделал упор на свои военные достижения.

Назовем некоторые акты, обретающие черты политических фикций.

Публичное обращение Афонсу Энрикеша в 1127 г. к горожанам в Гимарайнше (к «своим друзьям и беднякам Португалии») за поддержкой в обороне города от своего сюзерена и двоюродного брата Альфонса VII. Ранее в политике правителей такие обращения не практиковались¹¹. Поддержка горожан и влиятельной знати Гимарайнша стала первой демонстрацией независимости графства от королевства Леон.

Провозглашение Афонсу себя «правителем Португалии» после победы при Сан-Мамеде в 1128 г. над своей матерью «королевой» Терезой¹². Он взял власть путем мятежа против матери, а не путем наследования статуса.

Конструирование титулов для компенсации вакуума легитимности: в Хартии 1128 г. Афонсу Энрикеш принял такую формулу своего титула: «Прославленный инфант лорд Афонсу, сын графа Генриха и королевы Терезы, внук великого императора Альфонсо, светлой памяти». В 1129 г. он объявил о распространении своей власти на всю Португалию «независимо ни от кого извне», а после победы над сюзереном и кузеном Альфонсо VII провозгласил себя «принцем Португалии»¹³. Режим Афонсу существовал параллельно легитимному правлению в королевстве Леон.

Некоторые парадипломатические шаги Афонсу Энрикеша: заключение союза с другим «сепаратистом» Рамиро — молодым королем Наварры, конфликтовавшим с Леоном; заключение династических браков — браки самого Афонсу, его сына Саншу и дочерей с представителями знатных семей и династий, что укрепляло связи с Арагоном, Наваррой, Кастилией.

Формирование образа Афонсу «Победителя»: этот образ укрепился в официальном нарративе после победы над маврами при Орике¹⁴. Тогда его воины объявили Афонсу «королем» по вестготскому (германскому) обычаю, «подняв его на щит» (позднее эту победу свяжут с легендой о чуде при Орике в Португальской хронике 1419 г.).

Именование Афонсу в официальных документах «королем» после новых успешных войн с правителем Леона в Галисии: тогда португальские воины одержали победу над воинами Альфонсо VII при Вальдевеше (здесь само сражение имело черты политической фикции, т.е. проводилось в виде рыцарских поединков); с этого времени Афонсу стал именовать себя в документах как «король Португалии»¹⁵.

Афонсу I в союзе с Римом формировал нарратив (политическое повествование), что борьба за независимость (реконкиста) — составная часть общего процесса Крестовых походов, одна из целей которых — вернуть территории бывших вестготских королей, а также юрисдикцию Рима, что преподносилось как своеобразная

¹¹ *Lay St.* The Reconquest Kings of Portugal. Political and Cultural Reorientation on the Medieval Frontier. New York : Palgrave Macmillan, 2009. P. 71.

¹² *Silva T. J.* Queimada e As metamorfoses de um guerreiro: Afonso Henriques na cronística medieval. Dissertação de Mestrado em História da Idade Média. Coimbra : Universidade de Coimbra, 2011. P. 149.

¹³ *Варьяш О. И.* Становление Португалии // Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в Средние века. М. : Наука, 2006. С. 45.

¹⁴ *Herculano A.* Historia de Portugal. Sexta edição. T. I. Historia de Portugal desde o começo da monarchia até o fim do reinado de Affonso III. Lisboa : Livraria editora Tavares Cardoso & Irmão, 1901. P. 325.

¹⁵ *McMurdo E.* The History of Portugal: From the Commencement of the Monarchy to the Reign of Alfonso III. Vol. 1. London : Wilpred Head and Mark, 1888. P. 163–164.

историческая справедливость. С этим было связано участие крестоносцев из разных стран в освобождении городов Иберии, в том числе Лиссабона.

Использование королем Афонсу I отношений вассал — сюзерен с папой Римским: таким образом, разрывая вассальные отношения с королем Леона Альфонсом VII, Афонсу в письме папе в 1143 г. назвал себя «служгой и рыцарем папы и святого Петра, с условием, что Святой Престол будет его защищать от любых прочих церковных или гражданских властей»¹⁶. В 1144 г. папа Луций II взял Португалию под покровительство. В XII в. вновь образующиеся династии так стремились легитимировать себя. Но папы долго не признавали королевский статус Афонсу I.

Подготовка передачи правления королевством своему сыну Саншу, хотя отсутствовало международное признание королевства. Афонсу I, чтобы приучать подданных и иностранцев видеть в Саншу правителя при отсутствии формального акта о признании королевства, учредил «совместное правление» отца и сына. Так он стремился обеспечить наследование на основе признания заслуг инфанта в государственных делах, с начала 1170 г. давал Саншу военные и гражданские поручения: участие в привлечении жителей на пустующие земли, развитие муниципалитетов, выдача фюралов.

Были и другие основания, обусловившие политические фикции. Хотя в Леоне и Кастилии наследственное право фактически уже заменяло выборы короля, но тем не менее еще действовал вестготский закон, по которому короновался выборный правитель. К тому же в Иберии в целом не было норм, регулирующих разделение бывшей единой Вестготской монархии. Могло бы помочь признание королем Афонсу I со стороны папы (акты Верховного понтифика в Испании могли признаваться выше, чем вестготский закон), но папы не спешили с таким признанием¹⁷.

Основатель Португалии, готовя страну к передаче власти, боялся последствий недостаточной легитимации, чем могли воспользоваться противники внутри страны и за рубежом. И ему удалось создать обстановку, в которой даже при наличии правовых лагун в легитимации удалось представлять сына Саншу как наследника короля. Позднее задача легитимации наследования была облегчена: в 1179 г. от папы Римского, наконец, пришло признание королевского достоинства Афонсу I.

В характеристике Афонсу Энрикеша начала 1130-х гг. была отмечена такая его черта: «Он не был бы государем, способным преуспеть в мирное время; но его энтузиазм, честолюбие и храбрость понадобились в те смутные времена, чтобы построить здание независимости в стране»¹⁸. Это звучит как объяснение обстоятельств политизации фиктивного. Король Афонсу I за время правления (1139–1175) основал государство, способное не только завоевать территории, но и отстоять завоевания, а также обеспечить межконфессиональный мир, поднимающуюся экономику, устойчивую королевскую власть. И применение политических фикций стало органичной частью обеспечения португальского этатогенеза, сопровождало политику правителя во время всего правления Афонсу Энрикеша.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Варьяш О. И. Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в Средние века. — М.: Наука, 2006. — 451 с.
2. Делез Ж. Ницше. — СПб.: Machina, 2010. — 171 с.
3. Исаев И. А. Историческая метафизика власти и закона. Обращение к истокам. Очерки по истории и философии права / под ред. В. Г. Румянцевой. — М.: Проспект, 2024. — 272 с.
4. Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20–33.

¹⁶ Сарайва Ж. Э. История Португалии. М.: Весь мир, 2007. С. 25.

¹⁷ McMurdo E. Op. cit. P. 173.

¹⁸ McMurdo E. Op. cit. P. 152.

5. Исаев И. А. Политизация фиктивного // История государства и права. — 2021. — № 1. — С. 15–22.
6. Исаев И. А. Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5. — С. 30–40.
7. Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства. — М. : Издательство Института Гайдара, 2014. — 176 с.
8. Парсонс Т. О социальных системах. — М. : Академический проект, 2002. — 830 с.
9. Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 11. — С. 165–170.
10. Сарайва Ж. Э. История Португалии. — М. : Весь мир, 2007. — 366 с.
11. Танимов О. В. О научной разработке понятия «юридическая фикция» // Гражданин. Выборы. Власть. — 2022. — № 3 (25). — С. 35–48.
12. Herculano A. Historia de Portugal. — Sexta edição. — T. I. Historia de Portugal desde o começo da monarchia até o fim do reinado de Affonso III. — Lisboa: Livraria editora Tavares Cardoso & Irmão, 1901. — 558 p.
13. Lay St. The Reconquest Kings of Portugal. Political and Cultural Reorientation on the Medieval Frontier. — New York : Palgrave Macmillan, 2009. — 332 p.
14. McMurdo E. The History of Portugal: From the Commencement of the Monarchy to the Reign of Alfonso III. — Vol. 1. — London : Wilpred Head and Mark, 1888. — 368 p.
15. Silva T. J. Queimada e As metamorfoses de um guerreiro: Afonso Henriques na cronística medieval. Dissertação de Mestrado em História da Idade Média. — Coimbra : Universidade de Coimbra, 2011. — 169 p.

REFERENCES

1. Varyash OI. Iberian Notebooks: Law, Society, Power and Man in the Middle Ages. Moscow: Nauka Publ.; 2006. (In Russ.).
2. Delez J. Nietzsche. St. Petersburg: Machina Publ.; 2010. (In Russ.).
3. Isaev IA. Historical metaphysics of power and law. Appeal to origins. Essays on the history and philosophy of law. Moscow: Prospekt Publ.; 2024. (In Russ.).
4. Isayev IA. The Fundamental Norm («The Tables of Revolutionary Law»). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;(8):20-33. (In Russ.).
5. Isaev IA. Politicization of the Fictitious. *History of State and Law*. 2021;1:15-22. (In Russ.).
6. Isaev IA. Simulacra: the virtual reality of law. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(5):30-40. (In Russ.).
7. Manov F. In the shadow of kings. Political anatomy of democratic representation. Moscow: Insitut Gaidara Publ.; 2014. (In Russ.).
8. Parsons T. On social systems. Moscow: Akademicheskij proekt Publ.; 2002. (In Russ.).
9. Rumyantseva VG. The State Interest: the Sovereign's Power by Default. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;1(11):165-170. (In Russ.).
10. Saraiva JE. History of Portugal. Moscow: Ves mir Publ.; 2007. (In Russ.).
11. Tanimov OV. On the scientific development of the concept of «legal fiction». *Citizen. Elections. Power*. 2022;3(25):35-48. (In Russ.).
12. Herculano A. Historia de Portugal. Sexta edição. Vol. I. Historia de Portugal desde o começo da monarchia até o fim do reinado de Affonso III. Lisboa: Livraria editora Tavares Cardoso & Irmão. MCM1; 1901.
13. Lay St. The Reconquest Kings of Portugal. Political and Cultural Reorientation on the Medieval Frontier. New York: Palgrave Macmillan; 2009.
14. McMurdo E. The History of Portugal: From the Commencement of the Monarchy to the Reign of Alfonso III. Vol. 1. London: Wilpred Head and Mark; 1888.
15. Silva TJ. Queimada e As metamorfoses de um guerreiro: Afonso Henriques na cronística medieval. Dissertação de Mestrado em História da Idade Média. Coimbra: Universidade de Coimbra; 2011.